

Когда человек живёт в отчаянии, перед глазами словно висит прозрачная серая плёнка, и весь мир кажется серым. Куда ни посмотри — всё одинаково, без малейшей разницы.

Так прошли подростковые годы Линь Ханьчжи. Он жил в собственной боли и отчаянии, бесконечно тонул в приливной волне, не находя ни одного бревна, за которое можно ухватиться. Иногда что-то и появлялось, но оказывалось лишь пустым пузырьём: не успевал он протянуть руку, как тот лопался с лёгким «пок».

Он был оцепеневшим и потерянным, но одновременно свирепым. Спина подростка, стройного, как молодой тополь, всегда оставалась прямой, хотя никто не знал, какая тяжесть на неё давит.

Но после того как Линь Ханьчжи подчинил сорок шестой костяной клинок, уже мало что могло причинить ему по-настоящему мучительную боль.

Большинство сотрудников Управления знали о трагедии семьи Линь; многие когда-то получали помощь от Линь Яня и Нин Сяо, поэтому обычно заботились о Линь Ханьчжи. Увидев, как он возвращается весь пропахший кровью, кто-нибудь неизменно пытался подойти и спросить, всё ли в порядке. Но стоило человеку приблизиться, как Линь Ханьчжи становился похож на маленького зверя, который боится людей: напрягал все мышцы, настороженно отталкивал пришедшего взглядом персиковых глаз и уходил.

После нескольких таких случаев все поняли, насколько к нему трудно приблизиться, и перестали сами заводить разговор.

Юэ Юань постоянно следил за положением Линь Ханьчжи и, конечно, знал, что ребёнок стал слишком замкнутым. Поэтому, когда тот в очередной раз подал заявку на одиночное задание, Юэ Юань решил назначить ему напарников и предупредил: рано или поздно придётся научиться общаться с людьми.

В тот день Линь Ханьчжи был настолько недоволен решением, что просидел в кабинете начальника Юэ Юаня целый день, скрестив руки на груди и не сводя с него прямого взгляда. Юэ Юань едва не сдался.

С огромным трудом выдержал.

Через день Линь Ханьчжи познакомился с новыми напарниками. Когда Мяо Цзянье приблизился с тем самым знакомым мечом мяо за спиной, Линь Ханьчжи сразу его узнал.

Помня, что когда-то тот одолжил ему меч, Линь Ханьчжи холодно кивнул. Вторым напарником была известная красавица Управления — девушка из народа мяо с длинными до пояса волосами и белоснежной кожей, мастер гу по имени Юэ Наньсин. Характер у неё был холодный и высокомерный, поэтому в ответ она тоже лишь кивнула взглядом.

После нескольких совместных заданий Линь Ханьчжи быстро заметил, что эти двое прекрасно понимают друг друга и каждый раз успевают подстраховать напарника. Иногда после завершения работы они так уставали, что садились рядом, прислонялись головами друг к другу и так отдыхали.

Оценка Линь Ханьчжи была проста: совсем не церемонятся.

Только через месяц, когда Юэ Юань спросил, как ему работает с этой супружеской парой, Линь Ханьчжи наконец понял, что Мяо Цзянье и Юэ Наньсин, оказывается, муж и жена. Более того, Юэ Юань сообщил, что у них уже есть дочь нескольких лет от роду.

После этого Юэ Юань, что для него было редкостью, стал с Линь Ханьчжи заметно строже и приказал каждый день говорить с напарниками не меньше пяти фраз, записывать их в отчёт и сдавать. Иначе заданий не будет.

Как бы ни был силён Линь Ханьчжи, он всё равно оставался человеком. В бою неизбежно бывают моменты, когда нужно что-то сказать. Если между напарниками совсем нет взаимопонимания, это тоже становится проблемой.

По словам Мяо Цзянье, в одном из недавних боёв Линь Ханьчжи достаточно было сказать одну фразу, и Юэ Наньсин успела бы сместиться и закрыть его от удара сзади. Но он промолчал и принял острый удар на себя; из разреза на чёрной боевой форме тут же потянулся запах крови.

Линь Ханьчжи редко проявлял подростковую сторону характера:

— Дядя Юэ, ты же знаешь, я не люблю разговаривать.

В его голосе ещё оставалась мальчишеская звонкость, уже затронутая началом ломки голоса.

— Сяочжи, это приказ, — безжалостно ответил Юэ Юань.

Красивые брови Линь Ханьчжи нахмурились, щёки слегка надулись — задача явно казалась ужасно сложной. Но в итоге он всё же пришёл в кабинет, выделенный их тройке.

Первая фраза:

— Доброе утро.

Вторая:

— Вы поели?

Мяо Цзянье и Юэ Наньсин одновременно подняли головы и посмотрели на часы, где стрелки уже подбирались к одиннадцати. Оба подумали: он про какой приём пищи спрашивает?

— Что ели?

Мяо Цзянье наконец разобрался в этом странном допросе и ответил:

— На завтрак были баоцзы и жареные палочки ютяо. Обеда ещё не было. Говорят, сегодня в столовой будут баклажаны в соусе и тушёные свиные рёбрышки.

— Угу. — Четвёртая фраза.

— Я тоже буду есть в столовой. — Пятая.

Мяо Цзянье не ожидал дожить до дня, когда Линь Ханьчжи сам заговорит с ним, и радостно попытался продолжить беседу. Но сколько ни ждал, Линь Ханьчжи больше не отозвался.

Мяо Цзянье:

— ...?

Выполнив задание, Линь Ханьчжи снова стал беречь слова как золото.

В тот же день, когда он оформил сказанные фразы отчётом и сдал его, Линь Ханьчжи собственными глазами увидел, как лицо Юэ Юаня покраснело. Тот ткнул пальцем в единственное «угу» и возмутился:

— Это тоже считается фразой?!

Линь Ханьчжи:

— Угу.

Юэ Юань схватился за гудящую голову и стал успокаивать давление. Чёрт побери, он столько лет одинок, а всё равно каким-то образом получил возможность испытать, каково это — доводиться до инсульта ребёнком-подростком.

Он в ярости скомкал отчёт и тяжело... то есть почти невесомо бросил бумажный шарик в Линь Ханьчжи.

— В каждой фразе должно быть больше десяти иероглифов. И учитывая, как ты халтуришь, с этого дня говоришь по десять фраз в сутки.

Юэ Юань знал, что психологические консультации на Линь Ханьчжи почти не действуют. Из всех людей тот по-настоящему слушал только его.

Так и вышло. Линь Ханьчжи поднял бумажный шарик, выбросил в мусорное ведро, затем вытащил с Юэ Юаневого стола влажную салфетку и протёр длинные пальцы, лишь после чего крайне неохотно сказал:

— Хорошо.

Вот ведь. Снова одно слово.

Шли дни. Линь Ханьчжи каждое утро открывал глаза с одной мыслью: о чём сегодня говорить, чтобы набрать десять фраз и сто иероглифов?

Так, понемногу, у него неожиданно появились темы для разговоров с Мяо Цзянье и Юэ Наньсин. Однажды, взяв бумагу и ручку, чтобы подвести итог сказанному за день, Линь Ханьчжи обнаружил, что произнёс на одну фразу больше нормы.

Юэ Юань тоже это заметил и тут же подсадил к нему в кабинет ещё нескольких известных болтунов Управления. Болтливость, оказывается, тоже заразна. Когда Юэ Юань опомнился, Линь Ханьчжи уже стал разговаривать заметно больше.

Конечно, только по сравнению с прежним собой, но теперь он хотя бы нормально общался с людьми.

Юэ Юань решил, что достаточно, и отменил обязательное упражнение.

С тех пор в Линь Ханьчжи одновременно уживались открытость и мрачность. Он уже мог не ходить с каменным лицом и перекинуться с людьми несколькими шутками, но всё так же носил титул «сильнейшего новичка», а по ночам сворачивался на кровати и терпел мучительные приступы вины и самоотвращения.

Позже подросток вырос во взрослого мужчину. За эти годы произошло ещё бесчисленное множество событий, и многие близкие ушли. Например, Мяо Цзянье и Юэ Наньсин. Оставшийся после них ребёнок — Мяо Юэ — с того дня стала Линь Ханьчжи наполовину дочерью.

Какой бы послушной ни была девочка, дети всё равно иногда упрямятся и шумят. А достойному «половине папы» неизбежно приходится много говорить: объяснять ребёнку обычные вещи, правила общества и всё прочее.

Иногда ещё приходилось спорить с Мяо Юэ о совершенно бессмысленном вопросе — почему ребёнку нельзя съесть за один приём пищи две огромные фрикадельки «львиная голова». Всего за три коротких месяца Линь Ханьчжи из холодного крутого парня превратился в болтливую папашу.

Юэ Юань, ставший свидетелем такой перемены:

— ...

Иногда он смотрел на Линь Ханьчжи, который вёл маленькую Мяо Юэ за руку и без остановки что-то ей объяснял, и думал: ну теперь уж точно никто не скажет, что Линь Ханьчжи не похож на родителей.

Вот только рот у этого ребёнка теперь работал, пожалуй, за обоих его родителей разом. Иногда, слушая Линь Ханьчжи, Юэ Юань даже испытывал желание закрыть уши и дать миру хоть ненадолго стать тихим.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949117>